

Н. А. Миненко

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДА
У РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Изучение обычного судопроизводства в русской деревне XVIII — первой половины XIX в., с одной стороны, позволяет более полно охарактеризовать общественное сознание крестьянства на этапе перехода от феодальной формации к капиталистической, а с другой — помогает определить характер и историческую роль земледельческой общины. О важности обращения к обычному праву для познания истории феодальной деревни убедительно говорит в статье, посвященной семейно-имущественным отношениям крестьян, В. А. Александров¹.

Отличительной чертой народных юридических обычаев в дореволюционной России было их локальное многообразие, порожденное особенностями местных социально-экономических, этнических и экологических условий². Этим определяется актуальность историко-регионального исследования проблемы. В частности, рамки данной статьи ограничены территорией Западной Сибири — обширного и вместе с тем во многом своеобразного региона. Источниками для статьи послужили судебные следственные дела, текущая документация крестьянских выборных органов и административных учреждений, ответы на анкету Русского географического общества 1847 г., этнографические заметки наблюдателей.

Из советских специалистов интересующего нас вопроса касалась лишь М. М. Громыко³ — в связи с анализом функций сибирской территориальной общины. Ею рассмотрена система наблюдений и доказательств в народном суде, выявлены судебные права выборных крестьянских начальников и сельского схода. Полученные автором выводы во многом содействуют успеху дальнейшей работы над темой.

Специфика развития Западной Сибири привела к тому, что здесь в XVIII — первой половине XIX в. сельское управление состояло как бы из двух ведомств. С одной стороны, действовал назначенный сверху чиновник (приказчик, управитель, комиссар, казначей, заседатель), а с другой — общинное самоуправление. И низшая администрация, и община по закону наделялись определенными судебными полно-

¹ В. А. Александров. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII — начала XIX века. — «История СССР», 1979, № 6, с. 37—38.

² См., например: Е. И. Якушкин. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, в 1—2. Ярославль, 1875; в. 3—4. М., 1908—1909; «Сборник народных юридических обычаев», т. 1. СПб., 1878.

³ М. М. Громыко. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII — 60-е гг. XIX в.). — «Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.». Новосибирск, 1977, с. 83—91.

мочиями: они должны были рассматривать мелкие гражданские иски. При этом до конца 30-х годов XIX в. судебные приговоры общины в отличие от решений чиновников не имели обязательной силы. Задача общины сводилась к тому, чтобы примирять тяжущихся, а «буде не согласятся истец и ответчик на примирение», они имели право «искать удовольствия» в более высоких инстанциях⁴. В результате мирское разбирательство «оставалось часто бесполезным обрядом, не освобождавшим крестьянина от разбирательства в общих судебных местах»⁵. Позднее, в ходе реформы П. Д. Киселева, было установлено, что сельская община окончательно решает дела по искам на сумму до 5 руб. серебром включительно, волостная — по искам на сумму до 15 руб.; первая получала также право приговаривать крестьян «за проступки» к наказанию до 20 ударов розгами, вторая — до 60 ударов⁶. Данное постановление было направлено на упрочение авторитета мирского суда.

Рассматривать уголовные дела община права не имела — «сие принадлежало до суда формального». «Велено старостам, выборным и прочим селским начальникам, — говорилось в одном из указов, — о воровствах и иных уголовных преступлениях толко принимать доносы и объявления... и против тех доносов и объявлений обвиняемых сыскивать», а затем переправлять их к уездным властям; «роспросов же под битьем никому не чинить»⁷. Однако крестьяне Западной Сибири на практике не следовали законодательным установлениям: общинный суд у них распространялся на самые различные гражданские и уголовные дела (кроме убийства). Правительство и местная администрация упорно, но безуспешно пытались «вразумить» сибиряков⁸, пробовали «обязывать» соответствующими подписками сельских начальников при их вступлении в должность («дабы неведением отговариватца не могли) и растолковывать на сходах «силу законов» о пределах судебных полномочий мирских обществ. «Свой суд короче», — говорили крестьяне⁹ и со своей стороны добивались полного освобождения от судебной опеки чиновников. В 1727 г., например, хлебопашцы некоторых ведомств Кузнецкого уезда сумели при помощи судебного комиссара Алексея Толкачева отстранить «от судных дел» местных приказчиков и монополизировать судопроизводство в своих руках. Однако, когда об этом стало известно воеводской канцелярии, та быстро надела порядок: крестьян-«заводчиков» велено было наказывать публично «батожем», а указы, подписанные Толкачевым, изъять¹⁰. Попытки такого рода предпринимались сибиряками и в другие годы. 18 июня 1750 г. мирской староста Белоярского ведомства подал в канцелярию колывано-воскресенского горного начальства просьбу «об отрешении по мирскому согласию» от разбирательства крестьянских распрей и отправления

⁴ А. З. О домашнем суде между государственными крестьянами. — «Журнал мин-ва гос. имуществ», 1846, ч. 18, с. 307; Н. Зобнин. Приписные крестьяне на Алтае. — «Алтайский сборник», в. 1. Томск, 1894, с. 8—11; Т. С. Рафиенко. Сельское управление Сибири в XVIII в. — «Проблемы истории советского общества Сибири», в. II. Новосибирск, 1970, с. 96—98; Центральный гос. архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 429, оп. 1, д. 528, л. 3—33 об.; ф. 1401, оп. 1, д. 46, л. 483—484; Архив Географического общества (далее — АГО), разряд (далее — р.) 61, оп. 1, д. 6, л. 1—23; Гос. архив Новосибирской области (далее — ГАО), ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 2 об.—4.

⁵ А. З. О домашнем суде между государственными крестьянами, с. 307.

⁶ Там же, с. 308—309; «Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений». СПб., 1853, с. 4—18, 77—87, 165—168.

⁷ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 51, л. 23.

⁸ Там же, д. 46, л. 483—484; д. 48, л. 830; ф. 1402, оп. 1, д. 1, л. 231—232; ф. 1398, оп. 1, д. 169, л. 1—4 об.; Центральный гос. исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 1376, оп. 1, д. 82, л. 3—4; Тобольский филиал гос. архива Тюменской области (далее — ТФ ГАО), ф. 156, 1763 г., д. 88, л. 12—13.

⁹ Х. Мозель. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния, ч. I, СПб., 1864, с. 552.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 3, л. 377—377 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 1, л. 231—232, 251—251 об., 202—202 об.

делах мирских дел приказчика Ефремова. Общинники настаивали на передаче названных функций органам их самоуправления. В том же году крестьяне, находившиеся в ведении Бийской судной избы, составили на сходе аналогичного содержания приговор и в свою очередь направили его начальству Кольвано-Воскресенского округа. Желание крестьян было удовлетворено, и в течение некоторого времени во всех «селодедства заводского слободах и острогах» действовали одни мирские суды¹¹. Из сообщения неромонаха Митрофана и дьякона Петра Тихонова, адресованного тобольскому митрополиту, становится известным, что до 1762 г. суд и расправу между полковыми крестьянами Усть-Няцынской волости чинили приказчики; «а с того времени,— писали доносители,—... упоминаемые... крестьяне... по самоволству своему, избирая из своей братьи крестьян в старосты и в выборные из пущих затейщиков и горланов», приказчиков к судопроизводству допускать перестали — «между ими, крестьяны, суд и росправу писмопроизводственными делами и словесно» осуществляли выборные начальники. При этом «ослушники» стремились к узаконению нового порядка, направив своих челобитчиков сначала в Москву, а затем в Тобольск¹². Во всех перечисленных случаях крестьянами руководило убеждение, что чиновникам до внутримирских тяжб и распрей дела нет, «а в том состоит» единственно их, «народская», нужда¹³.

Разбирательство судебных дел в рамках сельской (однодеревенской) общины обычно производилось на сходе, куда в XVIII в. приглашались все ее члены, позднее — обычно лишь дворохозяева. Собирались на сход («согласие», как здесь нередко его называли) в теплое время года на улице, зимой — в доме возглавлявшего общину десятника (сотника, старшины) или в специальной мирской избе¹⁴. Во время разбирательства полагалось соблюдать порядок, тишину, вежливость в обращении друг с другом. Жители дер. Гуселетовой Кузнецкого уезда (1746 г.) ставили в вину крестьянину Алексею Устюженинову то, что он, будучи призван на сход к ответу по жалобе однодеревенца Семена Харева (собаки Устюженинова передавали у Харева овец), «крычал необычайно якобы на кабаке, а не на суде»¹⁵. Сохранились в крестьянской записи образцы речей, произносимых на мирских собраниях. «Деревни Фоминской при собрании... мира», — сообщается, например, в источнике 1787 г., — просил Спиридон Слекишин у миру: «Што, господа суседи, ево ли место я выкосил, Павла ли?» (разбиралась тяжба о покосе)¹⁶. Однако было бы наивно думать, что работа схода всегда протекала в чинной, спокойной обстановке. Обычай разрешал каждому участнику свободно высказать свое мнение по поводу рассматриваемого дела. Неизбежно возникали споры, характер которых становится особенно острым в первой половине XIX в., что следует связывать с углублением процесса расслоения крестьянства. «Мирския сходки, — писал крестьянин Бурлинской волости П. Школдин (Алтай, 60-е годы XIX в.) — представляют сущий ералаш; забывая о деле, для котораго собрались, и при невероятном праздносквернословии, бывает

¹¹ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 14, л. 177—177 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 7, л. 55, 64, 82 об.—83.

¹² ТФ ГАТО, ф. 156, 1763 г., д. 88, л. 12—13.

¹³ Именно так обосновывали свою позицию крестьяне Кунарской экономической вотчины Верхотурского уезда в 1772 г.—ЦГАДА, ф. 1398, оп. 1, д. 169, л. 1—1 об.

¹⁴ М. М. Громыко. Указ. раб., с. 88; *ее же*. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 316—321; Н. Черняковский. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии.— «Журнал мин-ва внутренних дел» (ЖМВД), 1843, ч. 2, с. 35; ЦГАДА, ф. 474, оп. 1, д. 149, л. 511—513; ф. 1401, оп. 1, д. 6, л. 155 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 21, л. 119—119 об.; д. 38, л. 727—730 об.; АГО, р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2 об.; ТФ ГАТО, ф. 156, 1819 г., д. 383, л. 18—18 об.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 10, л. 142.

¹⁶ Там же, ф. 1402, оп. 1, д. 38, л. 705 об.

смех, брань, укоризны, нередко драки. Получить на нашей сходке положительный результат суждения — дело большой редкости, и потому всякая сходка, имеющая предметом своего суждения какую-либо тяжбу, оканчивается лепортом в волость»¹⁷. В других волостях ситуация оказывалась более благоприятной, но и там мирские собрания в первой половине XIX в. происходили «с великим шумом»¹⁸. Большую роль при этом играли отношения родства и дружбы. «На сходке, при разбирательстве тяжбы, — пишет тот же Школдин, —...друг за друга готов глаз выколоть»¹⁹.

На волостных сходах расследовались лишь те дела, которые затрагивали интересы всей волости. Участниками волостного схода могли быть все крестьяне мужского пола «совершенного» возраста (иногда и женщины); чаще на него приглашались поверенные от селений, входивших в волость²⁰. В своем стремлении бюрократизировать общинные институты, усилить контроль за их деятельностью местные власти стремились устранить элемент стихийности в работе волостных сходов и прежде всего четко определить круг участников «согласия». Так, в 1798 г. канцелярия колывано-воскресенского горного начальства потребовала от земских управителей и крестьянских старост, чтобы общество, собираемое на мирской совет, состояло «единственно из избранных от каждого селения... доброго поведения надежных людей по два, по три человека или более, кому они доверяют, на годичное ли время или на каждой случай сходки. А чтобы во оном обществе самовольно без выбору от селениев являющихся, ...отнюдь не было»²¹. В 1822 г. правительством определено количество сельских поверенных, составляющих волостной сход — по одному поверенному от каждых 100 душ крестьян; это правило действовало в Сибири и в середине XIX в. Лишь в тех районах Зауралья, которые административно относились к Пермской губернии и на которые распространялась реформа управления государственной деревней П. Д. Киселева, со времени ее проведения волостной сход составлялся «в присутствии волостного головы из выборных сельских обществ волости, полагая одного ...с двадцати дворов»²². Но надо отметить, что постановления властей о представительности мирских «советов» на практике соблюдались не всегда. На сходы, собиравшиеся стихийно, являлись в волостной центр все желающие, да и в других случаях волостное начальство не очень заботилось о проверке полномочий людей, участвующих «в согласии»²³.

Если разбирательство велось по делу, затрагивающему интересы отдельных членов волостной общины, в нем обычно участвовали (кроме истцов и ответчиков) только выборные должностные лица: староста, волостной голова и их помощники²⁴. Суд крестьянских начальников основывался не столько на обычном праве или законе, сколько на произволе самих судей и оказывавших на них сильное давление сельских богатеев, так как мирской контроль за таким судом не мог быть достаточно эффективным. Не случайно этот суд фигурирует в крестьянских

¹⁷ П. Школдин. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости. — «Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства», кн. 1, М., 1863, с. 38—39.

¹⁸ АГО, р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2 об.; Н. А. Костров. Юридические обычаи крестьян-старожил Томской губернии. Томск, 1876, с. 108.

¹⁹ П. Школдин. Указ. раб., с. 38.

²⁰ ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 61, л. 2—3 об.; ф. 474, оп. 1, д. 187, л. 492; ф. 1016, оп. 1, д. 43, л. 1—3; ф. 1398, оп. 1, д. 169, л. 1—4.

²¹ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 51, л. 72 об.

²² «Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений», с. 23; АГО, р. 61, оп. 1, д. 6, л. 23; р. 62, оп. 1, д. 8, л. 24—24 об.

²³ АГО, р. 61, оп. 1, д. 1, л. 4; р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2 об.; д. 8, л. 24—24 об.; д. 20, л. 10—10 об.; ЦГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 82, л. 3—13.

²⁴ ГАНУ, ф. 110, оп. 1, д. 5, л. 192 об.—193; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 19, л. 347; ТФ ГАТО, ф. 156, 1763 г., д. 88, л. 7—7 об. и др.

высказываниях под именем Шемякина. Так, в 1757 г. староста Бердского крестьянского общества жаловался местному управителю, что, придя к нему, житель дер. Морозовой Фаддей Переладов «при посторонних людях говорил, ...что де у вас имеетца Шемякин суд и на вощенных ногах»²⁵. Крестьянин из дер. Тырышкиной Бийского ведомства Егор Казанцов (1783 г.) отказался явиться на разбирательство к старосте Ильиных: «всячески ево, старосту, выругал... и называл Шемехиным судом»²⁶. Особенно критичным — и не без оснований — стало отношение крестьян к рассматриваемой форме суда в первой половине XIX в. «Они,— писал о своих земляках житель Бурлинской волости П. Школдин,— ...принуждены бывают прибегать к местной судебной расправе, и как она, расправа, стоит у нас на мощеных ногах, то редкая обида получает себе должное удовлетворение; напротив низость и искательство всегда находят себе покровительство»²⁷. В Верхотомской волости Кузнецкого уезда местное начальство фактически передало свои судебные полномочия крестьянину-богатею Новикову — волостное правление «утратило всякое значение и превратилось почти в канцелярию Новикова: все споры между крестьянами разбирались им. ...Дома он каждый день утром или после обеда выходил на крыльцо, ...выслушивал жалобы и просьбы, ...спрашивал ответчиков и тут же произносил окончательное решение; признанного им виновным подводили к столбу, врытому во дворе, привязывали ремнями и наказывали плетью до тех пор, пока угодно было Новикову...»²⁸. Такие ситуации в волостях даже в 40-х гг. XIX в. были все же исключением: «мир» оказывался еще достаточно сильным, чтобы противостоять давлению зажиточной верхушки. Но отношение к судебному разбирательству выборного начальства во многих местах выражалось пословицей: «Где суд, там и неправда»²⁹. Не случайно, по словам П. Школдина, решение сельского схода о передаче тяжбы на рассмотрение волостного правления считалось для заинтересованных лиц наиболее бесперспективным. Им оставалось утешаться поговорками: «Уж ешь сокол, а не ворона!» или «А не доставайся ни тебе, ни мне!»³⁰. Нельзя, однако, всю ответственность за неправедность волостного суда возлагать на выборных начальников. Нередко честный, но безграмотный староста сам оказывался жертвой происков местного писаря, как правило, выходца из среды мещанства или отставных служилых. За взятку писарь мог пойти на любой подлог, и крестьяне знали об этом. «Милостивому моему господину... Ивану Семеновичу,— поторопился написать писарю Бийского волостного суда Тихобаеву крестьянин Федор Баскин из дер. Черемушкиной, узнав, что в волости будет рассматриваться его тяжба с однодеревенцем Федором Шмаковым,—...желаю я вам, Иван Семенович, здравствовать общекупно со всем... благодатным домом... на множества лет и прошу... меня, Баскина, не оставить... А при сем посылаю с сим писмодателем Егором Кузнецовым денег 2 копейки да сапожныя одне подошвы, а в прочим обещаюся быть слугой...» (1793 г.)³¹.

Понятно, почему земледельцы предпочитали выносить свои просьбы и жалобы на рассмотрение схода. «Случится ли, что кто-нибудь нарушил словесное условие, не заплатил вовремя взятых денег, не дослужил срока в работниках, подрядился поставить сотню копен сена да не

²⁵ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 18, л. 286.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 35, л. 360—360 об.

²⁷ П. Школдин. Указ. раб., с. 38.

²⁸ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2. СПб., 1901, с. 698—699.

²⁹ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 112; В. П. Замечания о Сибири.— «Московский вестник», 1830, ч. 5, с. 125.

³⁰ П. Школдин. Указ. раб., с. 39.

³¹ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 43, л. 74.

поставил; случится ли ссора, драка, на шумят ли между собою сельские озарники, провиниться ли молодежь, произойдут ли боевые схватки на кулачках и при этом случится увечье, произведенное не по законам кулачной борьбы — истец и ответчик, обиженный и обидчик идут на предварительный суд мирской сходки», — пишет Н. А. Костров³². Решения схода чаще основывались на обычае, на «старине»; содержание этих решений во многом зависело от позиции «стариков» — старших по возрасту членов общины (в первой половине XIX в. иногда в числе «стариков» оказывались также лица, служившие прежде на выборных должностях или просто обладавшие значительным состоянием)³³. «Старого учить, только портить», — считали крестьяне³⁴, полагаясь на опытность, память и знания «стариков» при разбирательстве дел самого различного характера. Любопытный факт приводит Н. М. Ядринцев. В одной из алтайских деревень ему довелось присутствовать на сходе, на который крестьяне собрались, чтобы выяснить, чья очередь исправлять подводную повинность. «После долгих споров и препираний возник новый важный вопрос о том, как соблюдается очередь в деревне: по солнцу или против солнца, т. е. с которого конца деревни идет круг очереди. По первому порядку очередь везти (проезжающего. — Н. М.) пала на одного, по второму на другого крестьянина. Мужики разделились на две партии. Одни кричали: „По солнцу!“, другие: „Против солнца!“. Решено было передать это дело на обсуждение старейшего». Привели на сход «седаго, как лунь», старика. К нему обратились с вопросом: «Дедушка, скажи, как у нас ходит очередь, как допрежь бывало?... По солнцу очередь?» Ответ старика («По солнцу, по солнцу, детушки, так и допрежь возили») позволил одной из «партий» ненадолго восторжествовать. Однако приверженцы «обиженной стороны» разыскали и доставили «в согласне» «еще более дряхлого старика», который на вопрос о порядке соблюдения очереди ответил: «Против, против солнца, детушки! Так в старину велось!» «Что? Ну кто правду говорил, а? Что, взяли?» — говорили победители, потому что их дед оказался гораздо старше первого. Дело было решено, покорились и стали запрягать лошадей. Это был суд древней Руси», — завершает свой рассказ очевидец³⁵. Влияние стариков на суд определялось как раз силой обычного права, патриархальных традиций в западносибирской крестьянской общине.

Важную роль в жизни общины вообще и при разбирательстве судебных дел, в частности, играли мирские поверенные. Поверенные избирались на сходах, и им поручались различные дела, требовавшие длительной отлучки из волости — с целью подачи властям коллективной челобитной, подкупа чиновников, займа денег на общие нужды и пр.³⁶ Мир предоставлял своим поверенным чрезвычайные полномочия на срок, необходимый для выполнения порученного им задания, позволявшие им действовать по собственному усмотрению не только вне общины, но и в ее границах, требовать безусловного повиновения себе со стороны всех

³² Н. А. Костров. Указ. раб., с. 107.

³³ М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 317—319; К. Голодников. Ялutorовский округ губернии Тобольской. — ЖМВД, 1846, ч. 15, с. 514—515; ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 35, л. 343—347; д. 43, л. 217; АГО, р. 66, оп. 1, д. 1, л. 4; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 108; Т. Успенский. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда. — «Пермский сборник», кн. 1, М., 1859, с. 39.

³⁴ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — «Этнографический сборник, издаваемый РГО», в. VI, СПб., 1864, с. 51.

³⁵ Н. Семилуженский (Н. М. Ядринцев). Письма о сибирской жизни. — «Дело», 1868, № 5, с. 96—97.

³⁶ М. М. Громыко. Территориальная крестьянская община..., с. 78—83; ЦГАДА, ф. 474, оп. 1, д. 187, л. 402—403, 573—574; ф. 831, оп. 1, д. 87, л. 5—9; ф. 1401, оп. 1, д. 3, л. 112—112 об.; д. 4, л. 290—290 об., 305—305 об., 349—350; ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 1540, д. 53, л. 2—3 об.

общинников, в том числе и выборного начальства. Считалось, что личность поверенного неприкосновенна и для царской администрации. Так, в 1827 г. в Арлагульской волости Курганского округа взбунтовавшиеся крестьяне устроили суд над старостой Андреем Замятиным за взыскание общественной денег. Руководил действиями арлагульцев Андрей Скорняков — он «во все сие время в сильном озарте поступал со всею дерзостью в той самонадеянности, что он, как уполномоченной обществом в доверенные, может сделать с Замятиным все, что заблагорассудится». Прибывший в волостное правление земский исправник потребовал Скорнякова к ответу, но тот держался с достоинством: «У меня немного возьмешь, — говорил он исправнику, — я доверенный от миру, не боюсь никого». Собравшиеся же к правлению крестьяне, по словам исправника, «были довольны, что Скорняков не повиновался начальству»³⁷. Ситуации, требовавшие выборов поверенного, возникали довольно часто; срок полномочий его нередко растягивался на длительное время. Институт поверенных можно поэтому считать постоянно действующим в крестьянской общине, и его существование, несомненно, надо рассматривать как фактор, затруднявший наступление на общинную демократию, на обычный порядок крестьянского суда со стороны выборных начальников, кулачества и царской администрации.

«В крестьянском суде, — писал исследователь юридических обычаев томских старожилов Н. А. Костров, — принимаются только следующие доказательства и улики: собственное сознание, поличное и свидетели»³⁸. Случаешь, призванные на сход ответчики или преступники сразу же добровольно сознавались в содеянном. В 1782 г., 11 июля³⁹, предстал перед судом общинников житель дер. Атамановой Марко Бураков по обвинению в краже у однодеревенца Семена Шилова холста и рубах. При допросе Бураков раскаялся и рассказал подробно, как была совершена кража⁴⁰.

Если обвиняемый не сознавался в содеянном добровольно, прибегали к опросу свидетелей. Причем, по данным М. М. Громыко, крестьянское расследование различало очевидцев («видоков») и свидетелей, знающих о деле с чужих слов («послухов») ⁴¹. В роли свидетелей могли выступать мужчины, женщины, дети. «Свидетеля, — замечает Н. А. Костров, — достаточно иметь даже одного...»⁴². Однако крестьяне знали, что свидетеля можно подкупить, и поэтому на деле к разбирательству обычно требовалось представить «во свидетельство» нескольких человек. О факте подкупа свидетеля сообщается в документе 1781 г.: 12-летний житель дер. Тальменской Осип Каликин, «представленный в свидетельстве... от крестьянина Матвея Новгородова якобы в краже шапки крестьянином Афонасьем Дягилевым», признавался в бердской земской избе: «При разбирательстве я хоша и сказывал, как Дягилев шапку брал, яко я видел, но... оное воровство на Дягилева затеял напрасно того для, что оной Новгородов з братом Козмою и оных мать Ирина Иванова дочь меня ложно свидетельствовать уговаривали и обещались дать рубашку да порты...»⁴³. В некоторых случаях свидетелей заставляли произносить клятву: «Я, нижеименованный, обещаюсь и кленуся всемогущим богом в том, что хошу и должен в деле сем, к которому призван во свидетельство, от суда мне в подлежащих допросах, в чем меня спрашивать будут, ответ свой справедливой самую истинную правду, ничего не утая и не прибавя и не на ково и не

³⁷ ЦГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 82, л. 3—7 об.

³⁸ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 109.

³⁹ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 32, л. 868.

⁴⁰ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 22, д. 507, л. 4—4 об.

⁴¹ М. М. Громыко. Территориальная крестьянская община..., с. 86.

⁴² Н. А. Костров. Указ. раб., с. 109.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 31, л. 123.

посягая, никому не нароя ни для дружбы или свойства, ни подарков или дачею, ниже страха ради, ни для зависти, но толь паче по своей чистой христианской совести, что знаю и видел или слышал, во всем право и нелицемерно объявляю, так как пред богом и судом его страшным, в том всегда ответ дать могу, в чем мне господь бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую крестъ спасителя моего. Аминь»⁴⁴. Вообще же надо отметить, что обычный порядок крестьянского суда не знал присяги свидетелей⁴⁵. Ее появление было связано с влиянием официального судопроизводства.

Часто, чтобы разобраться в деле, крестьянам приходилось проводить предварительное расследование всех его обстоятельств. Характерными чертами такого расследования, по словам М. М. Громыко, «были внимание к хозяйственным деталям, проливающим свет на выясняемые обстоятельства, отличное знание местных условий и личных качеств участников дела, большая, зачастую решающая роль мнения общины»⁴⁶.

В случае кражи мог проводиться в деревне повальный обыск. В 1793 г., например, десятник дер. Малой Угреновой Бийского ведомства «с народом» «ходили по всему... селению искать» украденные «из кладей с поля» у Матвея Давыдова снопы пшеницы. Нашли их «у переселившегося по своеволеству у отставнова казака Григорья Евтифеева в авине, который и признался ему, Давыдову, сам чистосердечно в означенном воровстве»⁴⁷. 22 января 1791 г. «в ставальную пору» к старосте Бердской волости явился житель дер. Нижночемской Матвей Шатров и «словесно объявил, что в... ночь из гумна навеянной в пошовни пшеницы мерою четыре мешка с пудовкой с теми ж пошовнями и положом увезены неведомо кем». Шатров потребовал обыскать всех жителей дер. Шаринной, которых он подозревал. Во время обыска «во-первых, у крестьянина Ефима Рубцова в подвале в сусеке опознал он, Шатров, пшеницу», а на скотном дворе того же Рубцова «покраденныя обще со пшеницей вещи нашли ж»⁴⁸. Не всегда дворохозяева в подобных случаях шли навстречу общине. Крестьяне дер. Милтужской (Колывановоскресенский горный округ), например, в 1796 г. жаловались своему волостному начальству, что их однодеревенцы Ташкины «обыскиваются обществу не даютца». Когда общинники пришли с обыском ко двору Ташкиных, сам хозяин выскочил с ружьем, а дети его — один с ножом, другой с пешней, почему крестьяне и отступили⁴⁹. Таких «супротивников» передавали на суд местной администрации.

Воров разыскивали по следу. У крестьянина дер. Тулинской Колывановского уезда Ивана Хабарова (1787 г.) ночью были «рассечены у подвалу двери» и унесено из него «пожитку» немалое количество. Утром жители деревни обнаружили следы («один в сапогах, второй в чирках»), ведущие от подвала Хабарова ко двору крестьянина Алексея Ядришникова. Когда «детей Ядришникова Федора и Зотя поставляли во оные следы», оказалось «очень сходно», что и приняли за доказательство их вины. В сообщничестве с Ядришниковыми заподозрили Бориса Руколеева, который во время розыска, «выскачя наперед», начал, было, следы «сминать, от чего оного Руколеева уняли»⁵⁰. В июне 1790 г. житель дер. Шубинской Бийского уезда Петр Захаров вез из Бийска смоленую бочку и от своей деревни в четырех верстах «за присталью лошадей... оставил оную» на время в логу около речки. Добравшись до

⁴⁴ ЦГАДА, д. 46, л. 40 об.

⁴⁵ Н. А. Костров. Указ. раб., с. 109.

⁴⁶ М. М. Громыко. Территориальная крестьянская община..., с. 83.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 46, л. 183—183 об.

⁴⁸ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 41, л. 277—277 об.

⁴⁹ Там же, д. 50, л. 273—275.

⁵⁰ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 38, л. 310—311.

дома и переночевав, Петр послал за бочкой сына Илью, однако ее на месте не оказалось. От соседей Петр узнал, что в тот день, когда была украдена его бочка, из деревни отлучался только Ефим Кузинский. По просьбе пострадавшего староста «с людьми» отправились «к дому ево, Кузинского, для осмотра телег, нет ли признаку». «По осмотру» одна из пяти телег Кузинского оказалась «езжана по речке и грязь выполоскана и песок на колесах, и на одре накапано смолы». От двора Кузинского староста «с людьми» «поехали для обрезывания следу к бочке» и нашли «след, как ехал (Кузинский.— Н. М.) из деревни по бочку, где оставлена... была». В логу, где прятал Захаров бочку, обнаружили старую оглоблю, пересеченную надвое. Оглоблю доставили в деревню «и она с оставшею» на дворе у Кузинского «оглоблю свожена и оказалась сходна пара, а след обрезан был, что он ехал взад и вперед, разобрав поскотину, а не в ворота и не мостом, но речкою бродом». По этой улике Кузинский был посажен под присмотр и «наутрее по прозбе оной деревни обывателей за разобранье поскотины (в разсуждении что может в тое ж дыру вытти скот и хлебу потравы б не было) старостою при народе наказан палочьем». От ответа за кражу Кузинскому удалось уйти — не дожидаясь конца следствия он бежал из деревни⁵¹.

Н. А. Костров пишет о необычайной сметливости которую проявляли крестьяне при розыске украденных вещей. «Если дело идет об увезенных с поля снопах—отмечает он,— то обращается внимание на то был ли у оподозреваемого в краже посеян хлеб на земле заложной или паровой, так как есть разница в соломе, а именно: у хлеба, родившагося на земле заложной, солома крупная, а на паровой—мелкая; далее принимается во внимание вязь снопов и нахождение в них какой-нибудь посторонней травы. Украденная с мельницы мука сличается по качеству с тою, какая есть у оподозреваемого в воровстве. При покраже сена обращается внимание на то, каковое оно: яланное или луговое и при том скошено ли оно летом или осенью. Если у оподозреваемого в воровстве сено оказалось яланное и при том кошенное летом, между тем как он косил на своем участке на лугу и притом осенью, то это признается достаточной уликой воровства. Покраденный холст сличается также по качеству с тем, какой выткан в доме оподозреваемого в краже... В числе доказательств совершения кражи принимается и то обстоятельство, если бедный продает хорошую вещь, какой у него не могло быть, или продает ее слишком дешево. Потная лошадь, если для совершения воровства нужно было совершить поездку, также часто выдает вора...»⁵².

Известен был крестьянам и следственный эксперимент. В 1780 г., например, жительница дер. Тырышкиной Бийского ведомства Екатерина Решетникова принесла жалобу старосте «о затаенных якобы крестьянином Иваном Васильевым Казанцовым отданных нечаянно... мужем ее Решетниковым из сусека при нагребке в воз для молотья со пшеницею в пудовке в мешке медных деньгах дватцати рублях». «Причем «ко изобличению» Казанцова челобитчица представила свидетелей, однако тот «учинил» решительное «запирательство». Староста «принужденным себя нашел собрать мирских... людей» и «зделать такой опыт», могла ли произойти передача денег вместе с зерном. Взяли посудину, «которую хозяин Решетников крестьянину Казанцову хлеб из сусека подавал», затем «загребли» в пшеницу, хранящуюся в сусеке, мешок с гривенниками и пятаками (всего на сумму 20 руб.). Этот мешок староста заставил Решетникова «обще с хлебом почерпнуть, точию никак почерпнуть да и мешка другою рукою вывалить» хозяин не мог; когда же он все-таки засунул мешок с деньгами в посудину и сверху заполнил ее

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 42, л. 514—515.

⁵² Н. А. Костров. Указ. раб., с. 109—111.

до краев хлебом, то и поднять ее оказалось ему не под силу. «Просительнице от удовольствия» в результате было отказано⁵³.

Допускало крестьянское сознание и иррациональные способы добывания доказательств. Так, при поисках виновного в убийстве применялось испытание трупом или кровью, «основанное на представлении, что при прощании убийцы с убитым из трупа потечет кровь»⁵⁴. При краже прибежали к ворожбе и гаданью. Например, когда у крестьянина Ивана Четверикова из Усть-Ницынской слободы (1763 г.) во время пожара украли вещи, он привез из Краснослободского ведомства «жителя именем Федора» и тот ворожил, причем по ворожбе оказалось, что вещи украл бывший работник Четверикова Исаак Ильин Щелконогов. И «оной Четвериков с тремя сыновьями,— жаловался позднее Щелконогов,—...заведя меня... поутру рано в кантору и обще с выборными... без всякаго ведома тамошних управителей... стегали безчеловечно плетью»⁵⁵.

В делах между родными или близкими соседями,— заметил один из наблюдателей за крестьянской жизнью,— допускается поныне (50-е годы XIX в.) «суд божий». Заподозренный в проступке обязан снять икону со стены и, держа ее пред собою, говорить: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!» Присутствовавшие следили «за изменением его физиономии, за трясением рук и проч. По этим признакам делается уже заключение о виновности или невинности заподозренного, но только про себя, потому что после клятвы открыто заподозренный не обвиняется»⁵⁶. В XVIII в. «суд божий» имел более широкое распространение и принадлежал к числу наиболее важных доказательств в народном суде. В 1798 г., например, бердская крестьянка Ирина Юшкова, занимавшаяся после смерти мужа торговлей, призвала к «суду божьему» как последней инстанции своего работника Василия Максимова, которого заподозрила в краже у нее 350 руб. ассигнациями. Клятву Максимова пришлось приносить в церкви, и хотя он сделать это, по словам Ирины, «забыв совесть, и покушался, но промысл всевышнего на таковую ложную клятву его не попустил». «Тресясь чрезвычайно весь и будучи безмолвен», Василий «не мог говорить читаемой ему присяги, а потому и удержен» был тогда от нее и «чистосердечно в покраже всех тех трехсот пятидесяти рублей признался»⁵⁷.

При разбирательстве дел о потравах, причинении вреда домашнему скоту обязательным было «свидетельствование» на месте размеров понесенного убытка⁵⁸.

Народный суд в Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. знал и такой способ добывания доказательств, как пытки. Конкретные детали мирского разбирательства с применением пыток можно проследить на примере событий, происшедших в 1772 г. в Кунарской экономической вотчине Верхотурского уезда. В местной мирской избе обнаружилась кража — похитили деньги, собранные с крестьян в уплату подушной и оброчной податей, и «в то время в мирской были коморник Макар Мельников, в карауле Алексей Зуев, Сидор Ремезов с товарищи». Староста отсутствовал — уехал «за делом» к «экономических вотчин камиссару» Божину. Заменявший его сотник Кулезнев сразу заподозрил в воровстве коморника («по сумнительству тому, как он, Мельников, и напредь сего в покраже... уличался») и созвал сход. «Из деревень, собрались к мирской болше дву сот человек,— жаловался позд-

⁵³ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 32, л. 149—149 об.

⁵⁴ М. М. Громыко. Территориальная крестьянская община..., с. 86.

⁵⁵ ТФ ГАТО, ф. 156, 1763 г., д. 88, л. 7—7 об.

⁵⁶ Т. Успенский. Указ. раб., с. 39—40.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 51, л. 137—137 об.

⁵⁸ Там же, д. 10, л. 142—142 об.; д. 12, л. 189—194 об., 224, 222 об.— 223; д. 32, л. 997; ф. 1402, оп. 1, д. 43, л. 45, 766; д. 45, л. 782—783; д. 14, л. 95—96.

нее коморник на следствии в уездном комиссарстве,— и, во-первых, ему, Мельникову, говорили, что ты, коморник, покрал деньги, а кроме-де тебя некому». Однако обвиняемый не сознавался, и тогда крестьяне его «разболочли донага, вывели пред мирскую на улицу и принесли палки березовые. И те палки взявши пищик Пахтин обрезал ножом и велел десятникам бить ево, Мельникова, жестоко. И притом он, Пахтин, да пущие в том возмутители крестьяне Михайло Швырев, Егор Каюков, Осип Лебедев, Алексей Батаков, Федот Глухих крычали, чтобы бить ево, Мельникова, до полусмерти. А хотя он, Мельников, и говорил, чтоб выслать ево по тому делу для следствия к камисару Божину или в верхотурское камисарство, но на то... крестьяне сказали, что де до этого камисару дела нет, а в том их народская нужда», и крычали: «Бей гораздно! Хотя-де и до смерти уьем, так за вора никакого отыску не будет, и на одного всех не переменят». Раздавались также крики, что, если комиссар Божин «в Кунарскую приедет и за него, Мельникова, приставать будет, тоже де и ему, Божину, будет, что и... Мельникову было». Потом крестьяне «лили на ево, Мельникова, голову воду студеную, вязали к столбу и стегали вицами бесчеловечно, а голову по приказу пищика Пахтина и крестьян... десятник Иван Макаровский три раза стягивал клячом». Под пытками коморник признался, что деньги украл действительно он и отдал их на сохранение своему сыну Осипу. Немедленно послали нарочного за Осипом. Подоспевший к этому времени на сход староста Зуев принял непосредственное участие в дальнейшем расследовании. Осип не пожелал повиниться в укрытии краденных денег: его «били палками, привязывали к столбу и лили на голову воду студеную», а потом «повесили наосо за руку да за ногу у мирской к жолобу и привязали к руке и ноге по толстому сырому полену, где он, Осип, и весился до восхождения сонца». По решению схода пригласили вдову Анну Сергееву — бабушку Осипа — «для разговору ево, Осипа, и увещевания». Однако все попытки крестьян добиться от сына коморника возврата денег не увенчались успехом. Сход приговорил: заложить Осипа «Новопышминской слободы в деревню Куликову к крестьянину Ефиму Пакулину в срок в работу на три года» и деньги за заложника взять с Пакулина наперед. Приговор был приведен в исполнение; полученные деньги мир отдал в уездное казначейство в счет подушной и оброчной податей⁵⁹.

Способы дознания, примененные кунарцами, были известны и в других волостях. В 1827 г. общество Арлагульской волости с помощью пыток добивалось от старосты Андрея Замятина признания в краже мирских денег — 280 рублей. Замятина вытащили за волосы из волостной «канторы, привязывали его снятою с него опояской к воротовому столбу, против канторы стоящему», и «били его тут сильно»⁶⁰.

В Шадринском уезде, по сообщению Т. Успенского, существовал и специфический род пытки: при «несознании в проступке уличаемаго прежде кормили соленным пирогом», а затем «не давали ему пить, пока не сознается»⁶¹.

Крестьянский суд приговаривал виновных к различным наказаниям. В случае причинения кому-либо материального ущерба ответчик должен был возместить его; размеры вознаграждения определялись «стариками». За «бесчестье» и избиение также приходилось платить обиженной стороне деньги. Иногда, помимо уплаты денег, виновный подвергался дополнительно телесному наказанию «при всем обществе». Телесные наказания практиковались крестьянами Западной Сибири очень широко. За «домашние погрешности», кражу, «прием воровских пожитков»,

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1398, оп. 1, д. 169, л. 1—4.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 1376, оп. 1, д. 82, л. 3—4.

⁶¹ Т. Успенский. Указ. раб., с. 39.

«блуднищие своды», оскорбление словами и пр.— били палками, плетьюми, розгами, лозами. «Розги не мука, а вперед наука»,— говорили в деревнях. Чаще всего подобные исправительные меры применялись волостными начальниками. Они же приговаривали провинившихся к заключению в особой тюрьме — «чижовке» (специальная комната, имевшаяся в доме волостного правления)⁶².

Обличенного в краже писаря крестьянское общество прогоняло с должности и заменяло другим⁶³. Несостоятельных должников оно сдавало на время в работу кому-либо из богатых земледельцев⁶⁴. Среди мер наказания была и внеочередная сдача в рекруты⁶⁵. Община принимала также решения ходатайствовать о выселении преступников из данной деревни или волости⁶⁶. Использовались и некоторые виды посрамления. Например, когда кто-то из крестьян покушался до назначенного срока начать сбор урожая на арендованном миром хмелевом участке, то у него привязывали «руки назад к колесу», ругали его «порусски», плевали ему в глаза и, опутав хмелевыми побегими, водил «по толпе любопытных». На воров иногда надевали украденное ими, например холст, овчину, хомут и т. п. и в таком виде водили по улицам в сопровождении толпы народа. «Этот способ,— замечает Т. Успенский,— ...так чувствительно действовал на виновных, что они большею частью бросали навсегда свою дурную привычку и делались честными людьми. Но бывали и такие случаи, что униженный публичностью своего проступка воришко с отчаяния и стыда делался отъявленным воров»⁶⁷. Вообще следует заметить, что «отъявленных воров» в крестьянском обществе Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. встречалось сравнительно мало: «воровать и грех, и стыд, и судить будут» (на сходе),— считали земледельцы⁶⁸. Любивших «ходить по чужим женам» вымазывали в дегте. Н. Ядринцев сообщает о случае, когда такому наказанию крестьяне подвергли ссыльнопоселенца — бывшего камердинера. «Получив несколько дюжих тумачков и видя, что добираются до его нижней одежды, камердинер возопил благим матом: „Караул!“ — но внезапно почувствовал, что его нос и рот залепило что-то клейкое. В это время какой-то бойкий малый из молодых деревенских парней принес лагушку дегтю и, выхватив из нее мазилку, ткнул в самый нос оравшего камердинера и затем начал мазать ему всю голову. Благородная физиономия ловеласа приняла самый жалкий вид. Через несколько минут камердинер, покрытый с ног до головы смолоу, мчался по улицам, натываясь лбом на заборы, падая на кучи навозу, сбивая с ног прохожих, в то время, как отовсюду ему гудел оглушительный хохот толпы...»⁶⁹.

Обычным для крестьянского суда было также решение о передаче дела на рассмотрение в вышестоящую инстанцию: из села в волость, из волости в уездные и губернские органы. Причем к середине XIX в. число таких решений возрастает, что следует связывать с ослаблением патриархальных традиций в общине (хотя они еще были достаточно силь-

⁶² Там же; Н. А. Костров. Указ. раб., с. 62—83, 111—116; Х. Лопарев. Самарово село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896, с. 119, 213; ГАНУ, ф. 110, оп. 1, д. 5, л. 192—193; ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 38, л. 612 об.— 614; д. 39, л. 703 об.; д. 43, л. 510—519 об.

⁶³ ЦГАДА, ф. 474, оп. 1, д. 187, л. 508; ф. 1401, оп. 1, д. 35, л. 670—670 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 48, л. 780—781.

⁶⁴ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 38, л. 310 об.— 311, 331—333 об.; ф. 1402, оп. 1, д. 47, л. 560—561.

⁶⁵ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 45, л. 389—393 об.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 50, л. 273—274; ф. 1402, оп. 1, д. 25, л. 246—247; д. 30, л. 570—570 об.; М. М. Громько. Территориальная крестьянская община..., с. 91.

⁶⁷ Т. Успенский. Указ. раб., с. 23, 39.

⁶⁸ П. Школдин. Указ. раб., с. 39.

⁶⁹ Н. М. Ядринцев. На чужой стороне (Из нравов поселенцев в Сибири).— «Литературное наследство Сибири», т. 4, Новосибирск, 1979, с. 92.

ны), обострением в ней борьбы между различными социальными группировками⁷⁰.

В целом можно заключить, что в XVIII — первой половине XIX в. в Западной Сибири крестьянский суд основывался преимущественно на обычном праве и был достаточно демократичным, однако демократичность эта ослаблялась по мере углубления процесса расслоения крестьянства. Судебная деятельность местной общины выходила далеко за рамки ее официальной компетенции — она охватывала самые различные гражданские и уголовные дела. Наиболее активным на всем протяжении периода было судопроизводство сельского схода. Справедливость значительной части приговоров общинного суда обеспечивалась тем, что хлебопашцы владели многими рациональными приемами предварительного расследования. Деревенская «судебная система» активно использовалась крестьянами в их классовой борьбе с феодальным государством⁷¹.

TRADITIONAL FORMS OF INVESTIGATION AND TRIAL AMONG RUSSIAN PEASANTS IN WESTERN SIBERIA IN THE 18th AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

In the 18th and the first half of the 19th century civil law-suits and criminal trials among the peasants of Western Siberia were held within the framework of the rural (one-village) and the *volost'* (district) community. In that period judicial functions belonged to the village and *volost'* general meetings (the *skhods*), as well as to elected *volost'* heads. A decisive influence in passing the sentence was possessed by the oldest community members, the «elders» and the elected trustees of the *mir* (community). Particularly democratic and active were the judicial proceedings in the village *skhod*. The peasant legal proceedings were based upon common law; however, at the *volost'* level its role materially declined in the course of time owing to the intensive process of class differentiation within the peasantry, the strengthening positions of the *kulaks* and their pressure upon community institutions.

⁷⁰ АГО, р. 62, оп. 1, д. 2, л. 2 об.; П. Школдин. Указ. раб., с. 39; ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, л. 429, 891—891 об.; д. 36, л. 79; д. 42, л. 149—149 об.; д. 29, л. 82; д. 34, л. 646—646 об.; д. 35, л. 126.

⁷¹ См., например: А. Зырянов. Шадринский уезд в апреле 1842 года.— «Пермский сборник», кн. 2, М., 1860, с. 13—19; его же. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году. Пермь, 1884.